

* * *

Ещё цеплялся календарь
За года старого листочки,
А обессиленный декабрь
Улиткой полз до крайней точки.
И год тянулся словно век:
Уныло и непроходяще.
Уже наскучил белый снег,
Когда-то радостью обдавший.
Среди превратностей зимы,
Её метельных занавесок,
Мы были в грусть погружены
Как жертвы будущего стресса.
Ветрами вымело слова,
Снегами залепило уши,
И огонёк луны едва
Пытался высветить нам души.
Переживали белый плен
С терпением мудрости отчасти.
А сердце ждало перемен
И песен сладостных о счастье.
Они порою так нужны,
Как для судов маяк желанен,
Чтоб всплыть в фарватер новизны
Непережитых состояний.
А Новый год — почти весна
С надеждой юности на счастье.
И может чьё-либо участие
Стать слаще доброго вина.

ВСЁ ПРЕХОДЯЩЕ...

Душа, как наигравшийся ребёнок,
Притихла в уголке у бытия.
Считает осень листья в жёлтых кронах,
Огарком дня самой себе света.
О чём судить? Всё сказано донныне.
Уходят люди в тайные миры.
И нам, увы, делить дорогу с ними
И покидать обжитые двory.
Всё преходяще. Жизнь — не исключенье.
Погаснут звуки песен и судеб.
Всего одно, последнее, кочевье
Преодолеть, собравшись с духом, мне б.
Зачем и почему? — никто не спросит.
Всему начало есть и эпилог.
А смерть — она, как северная осень,
Заступит, и не спросит, на порог.
Но всё пойдёт по кругу, как в начале:
Века, года, и так за мигom миг.
Она оставит песни и печали
Другим, кто светотени не постиг.

ИЩУ ЗАБЫТЫЕ СЛОВА...

*В начале было Слово, и Слово было у Бога,
и Слово было Бог...
Евангелие от Иоанна, гл.1 ст. 1-2*

Когда устанет голова
От надоедливых сомнений,
Ищу забытые слова
В потёмках грёз и сновидений.
Как обессиленный пловец,
Что в дымке видит дальний берег,
Как разорившийся делец,
Мечтающий о прорве денег,
Ищу упорно и спеша,
Как друга, павшего на рати,
Как ищет доброту душа
И золотой песок — старатель.
Среди беспутств и забвения
Стремлюсь каким-то чутким нервом
Найти ту искру Бытия,
То Слово, что явилось первым.

* * *

Иван-чай, расщеплён-раздербанен,
Вдоль дороги, как нищий, стоит.
Пахнет прелой листвой и грибами,
Серый дождик с утра моросит.
Позакрылись туманною дымкой,
Погрузились в прощальный покой
Верба с чахлой ольхой в обнимку,
Можжевельник с кривою ногой.
Не мешала бы лесу приборка
До того, как вступить на парад.
По осенним блуждаю задворкам,
Примеряю к себе листопад.
Эх, начать бы жизнь с чистой страницы,
Походить по траве босиком!
Но летят треугольником птицы,
Словно прошлое, над сосняком.
Знаю, думать об этом без толку
И сегодня и далее впредь.
Остаётся ну разве что только
Мне на птиц этих с грустью смотреть.

ДАНЫ КАК НАСЛЕДСТВО...

Даны нам в наследство от древних богов —
И каждый из нас их хранитель:
Целебная ласка озёр и лугов,
Волшебного леса обитель.
Не будет вопросов: готов? не готов?
Даются добавочно к хлебу:
Весёлая песня свободных ветров
И толика звёздного неба.
Но это за нас просто выдан залог,
А вовсе не дар, не награда,
Чтоб тело и душу бы каждый берёт
До смертной поры листопада.
Всевышний, похоже, не зря повелел —
Он всё про нас, будущих, ведал —
Чтоб небо тянулось к обжитой земле,
А люди, как водится, — к небу.

ФЕВРАЛЬ

Февраль. Достать чернил и плакать.
Б. Пастернак

Тяжёлое небо на землю упало,
сдавило снега и восторги поэтов.
Над крышами дым на клочки разметало,
ударил вьюгой по серым рассветам.
Унылое время! Лежать — не проснуться б,
почти уподобясь медведю в берлоге.
Пусть тучи скребутся о лунное блюдо,
а звёзд ревизуют дотошные боги.
Ползут по дорогам, как змеи, позёмки.
Сугробы над краем оврага нависли.
И, словно в игре с пятилетним ребёнком,
нет строгости слова и стройности мысли.

ОСЕНЬ

Отцвели весенние восторги,
Летних зорь опали лепестки,
Изморозь забралась на пригорки,
У рябины опалив виски.
Минули недели многоцветья,
Выпали печальные тона.

Птицы, не оставив песен летних,
Двинулись в заморские дома.
Зябнет лес, притихший и понурый,
Спрятав в дупла эхо голосов.
Осень бродит ключницею хмурой,
Запирая души на засов.